

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Ответный
удар

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Правило профессионалов

«PEN-клуб»

1994

Абдуллаев Ч. А.

Правило профессионалов / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1994 — (Дронго)

Разведчик заданий не выбирает. На этот раз сыщик суперкласса Дронго отправляется в Багдад. Ему нужно найти и ликвидировать предателя – бывшего агента КГБ Волка. Не самая простая задача – Волк умеет `обнажать клыки` и не ведает жалости. Профессионалы – они знают правила таких поединков. Но даже профессионал не может предугадать всего...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Чингиз Абдуллаев

Правило профессионалов

Глава 1

Вы должны убить Волка. – Он сказал это тем невозмутимо-ласковым тоном, каким обычно заказывают утренний кофе в постель.

Перед Дронго сидел пожилой человек из ниоткуда. Размытые черты лица, незапоминающаяся фигура, нехарактерный голос. Говорившего выдавали только руки профессионала. Жесткие, выбитые пальцы и мозоли на ладонях от постоянных тренировок.

Дронго посмотрел в сторону. Круглый диск солнца, уже поднявшийся из-за горизонта, показался сегодня ему особенно красивым.

– Он далеко отсюда? – спросил Дронго.

– Да. Мы искали его довольно давно. Но наконец смогли установить, что он скрывается в Ираке. Там сейчас блокада, и иностранцу туда трудно попасть. Вам нужно будет его разыскать в Багдаде.

– Вы же отлично понимаете, что это глупо. – Ему совсем не хотелось спорить в такой теплый июньский день. Погода в этом году стояла удивительная, а лето так и не заявило о себе характерными для этого южного города расплавленным асфальтом и почти банной, сводящей с ума духотой. Словно кто-то заботливо опустил над городом колпак, на целых два месяца установив удивительно прохладную погоду.

– Это не совсем глупо, – терпеливо возразил его собеседник. – Волк знал все наши связи на Ближнем Востоке. Он в курсе многих операций. Сейчас Волк сумел укрепиться в Багдаде. Он уже предлагал свои услуги Саддаму Хусейну. Если ему вовремя не помешать, иракская разведка станет одной из самых осведомленных в регионе, а это нас совсем не устраивает. Кроме того, могут всплыть наши старые связи. После агрессии Саддама в Кувейте отношение к нему мирового содружества довольно прохладное, а тут вдруг некоторые наши бывшие агенты на службе у режима. Пойди потом докажи, что они бывшие. Помимо всего, Евгений Максимович просил передать, что это его личная просьба.

– Он же большой друг Саддама, – иронически произнес Дронго, – вот пусть сам и попросит иракского лидера выдать ему Волка.

В ответ собеседник только улыбнулся.

Это еще больше разозлило Дронго.

– Я вообще не обязан работать на вашу разведку. Черт бы вас всех побрал. Меня можно только попросить.

– Что мы и делаем.

– Как? Каким образом я попаду в закрытую страну? В отрезанный от всего мира город, где каждый иностранец на особом счету. Только на мою легенду, на ее разработку уйдет год. Еще столько же, чтобы я закрепился в этой стране. У вас есть в запасе два года? И это после войны в Персидском заливе: теперь вообще не любят иностранцев. Самолеты туда не летают, поезда не ходят, связи практически нет. У меня только один вопрос: вы знаете, как туда можно легально попасть?

– Знаю, – невозмутимо парировал его собеседник, доставая сигареты. Это уже было кое-что: по манере курить, по сорту сигарет, по положению головы и пальцев Дронго мог более конкретно определить, откуда прибыл его собеседник. Точнее, где раньше работал.

Однако его ждало разочарование. Незнакомец достал местные сигареты и, отвернувшись, закурил.

Дронго даже не успел заметить, шелкнул ли тот зажигалкой. Чтобы не выдавать себя, собеседник почти не прикасался к сигарете, а кончив курить, тщательно затушил ее, спрятав окурок в карман.

Дронго умел скрывать разочарование. Если к нему послали такого связного, то с Волком нужно быть исключительно осторожным. Он слышал о нем всего дважды, и оба раза в превосходных степенях. Волк был не просто специалистом по арабскому миру. Он был суперпрофессионалом в этом регионе, одним из тех, чьи рекомендации определяли политику огромной империи.

– Конечно, вы, как всегда, все продумали, – недовольно пробурчал Дронго, уже не пытаясь спорить. – Так каким образом я смогу легально попасть в Ирак?

– В сентябре этого года в Ираке состоятся юбилейные торжества, посвященные 500-летию великого поэта и мыслителя Мохаммеда Физули. Из вашей республики туда поедут более ста человек. Список уже уточняется. Вас включают в состав этой делегации.

– Мне приятна ваша уверенность.

– Если бы не был уверен, не говорил, – возразил его собеседник. – Вы поедете в Багдад по приглашению самой иракской стороны и проведете там официально восемь-девять дней как почетный гость Саддама Хусейна. Как видите, срок вполне достаточный. И более чем реальный. За это время вы можете найти Волка и уничтожить его.

– А вам не стыдно? – спросил вдруг Дронго. – Он ведь был вашим лучшим специалистом в регионе.

– Был, – выразительно подчеркнул это слово незнакомец и затем меланхолически заметил: – Вообще-то стыд категория нравственная, а не профессиональная. Кроме того, он был хорошим специалистом в бывшем СССР. Теперь другие времена.

– Зачем вы его убиваете? Только честно.

– Он не хочет возвращаться. Скрывается от нас уже целых два года. Решил теперь остаться в Ираке, посчитав, что там его достать труднее всего. Этого мы не можем позволить никак.

– Оставили бы его в покое и меня заодно.

– Вы ведь понимаете, что это невозможно. Профессионалы не выходят из игры, – терпеливо объяснил незнакомец, – тем более очень осведомленные профессионалы. Сейчас всех тянет на мемуары. А этот жанр очень нервный, требует хорошей памяти. Мы беспокоимся, что у некоторых она слишком хорошая.

– У меня тоже? – не выдержал Дронго. Солнце стояло над горизонтом довольно высоко и теперь било прямо в лицо своими прямыми лучами. И хотя погода стояла неплохая, ветерок все-таки налетал, и это было довольно неприятно.

– А как вы думаете? – Кажется, незнакомец улыбнулся.

– Тогда другой вопрос. Почему вы выбрали именно меня? У вас разве не осталось специалистов в этом районе? Ваши руководители, или, как сейчас говорят, шефы, отлично знают, что я аналитик и по складу характера, и по образу мыслей. А меня записывают в новые Рэмбо. Смешно?

– Не очень. До вас мы посылали туда двоих. Отлично подготовленных профессионалов – «ликвидаторов». Первого он уговорил вернуться, прострелив ему ногу. Второй, очевидно, более настырный, не найден до сих пор. У вас есть еще вопросы?

– Я с удовольствием послал бы всех вас к черту.

– Что-то мешает?

– Теперь да, чувство соперничества. Кстати, я никогда не видел Багдад. Скажите, это очень далеко от Вавилона?

– Не очень. Сто километров, кажется. Волк был одним из наших лучших специалистов, и это соответствует истине. Он специалист по террористическим операциям, прекрасный ана-

литик. У него богатый опыт работы на Востоке, почти двадцать лет, он хорошо знает арабский, фарси, владеет местными наречиями, легко сойдет за местного жителя и в Египте, и в Ираке. Вы понимаете, почему я перечисляю все его достоинства?

– Чтобы подчеркнуть мои недостатки. Я все понимаю и без ваших намеков. Я не знаю арабского и фарси, ни разу в жизни не был в Багдаде и вообще в Ираке, очень не люблю работать на Востоке, и тем более на Ближнем, там слишком многолюдно, жарко и, как правило, грязно. Кроме всего прочего, я не Лоуренс Аравийский и не умею скакать на лошадях. Но, кажется, я начинаю понимать, почему ваш выбор пал именно на меня. Волк будет ждать или нелегала, которого он сразу вычислит, или официального представителя под прикрытием дипломатического паспорта. Посылать делегацию в сто человек из бывшей союзной республики трудно даже для такой службы, как ваша. Кстати, надеюсь, в делегации больше не будет ваших людей.

– Будут, – невозмутимо ответил его собеседник, – обязательно будут. Наш представитель, который выйдет с вами на связь. Он же будет прикрывать вас в случае необходимости. В отличие от вас он владеет арабским языком довольно неплохо и хорошо ориентируется в Багдаде.

– Иметь помощника всегда неплохо. Остальные чисты?

– Не совсем.

– Что, еще один? У меня иногда возникает ощущение, что в бывших союзных республиках все поголовно были агентами КГБ, от премьеров и президентов до клерков и машинисток. Или это ошибочное впечатление?

– По нашим прогнозам, – игнорируя колкость Дронго, продолжал его собеседник, – в делегацию постарается попасть представитель английской разведки. У него особое задание – перехватить Волка до нас, выведя его сразу на Лондон.

– Может, на наших автобусах сразу написать: «Шпионский состав»?

– А кто вам сказал, что вы поедете на автобусах?

– Некоторые вещи я умею просчитывать. Как еще можно добраться в Багдад? Правда, тут возникнет проблема Ирана. Но думаю, что эта очень недружественная Саддаму страна пропустит большую делегацию в Ирак. Другой дороги в Багдад просто нет.

– Вы правы. Иракцы предложат сразу два варианта. Первый – ваш, через Иран. Второй путь более длинный, через Амман. Прибыть туда на самолетах, а затем сами иракцы вывезут всю делегацию на автобусах.

– Не получится, – отрезал Дронго.

– Почему?

– Нет денег. На автобусы в моей республике еще найдут деньги, на самолет для ста человек – никогда. Это почти по пятьсот долларов на каждого. Сумма немыслимая.

– Я передам ваши замечания в Центр. Значит, вы согласны?

– Как будто вы не знаете. Иракцы его охраняют?

– Думаю, почти наверняка. Он очень хороший специалист. Такой профессионал для них просто находка.

– Кажется, я начинаю понимать еще кое-что. Вы не хотите делиться своим сокровищем с англичанами. Иракцы вас волнуют менее всего, правильно?

– Не совсем. Но согласитесь, отдавать его англичанам тоже неправильно. Хотя у нас сейчас новые критерии в нашей политике.

– Будем считать, что я вам поверил. А если Саддам узнает, что меня посылают в Ирак убить такое сокровище? Его лучшего специалиста, потенциально главного советника его разведки. Что он со мной сделает?

– В лучшем случае повесит, – почти радостно сообщил незнакомец, – но думаю, не так быстро. Мучить будут долго. Это они умеют.

– Вы меня обрадовали. А я надеялся, что меня сразу повесят. Думаю, в случае неудачи мне оторвут все выступающие части тела. А в случае успеха меня вполне может ждать собственный «ликвидатор» в моем родном городе.

– Такого не будет.

– Вы уверены? – К Дронго начало возвращаться хорошее настроение. Он сумел-таки вычислить, откуда явился этот тип.

– Вы слишком ценный сотрудник.

– Вы хотите сказать, что меня нельзя убить?

– Нецелесообразно. Пока, – откровенно пояснил собеседник.

– Как это радует! Вы были на связи с нашим представителем в Ираке? – вдруг спросил Дронго.

– Нет, – чуть поколебавшись, ответил незнакомец.

– Вы колебались больше, чем обычно, но меньше, чем при неожиданном вопросе, – улыбнулся Дронго, – ваша профессиональная реакция вас немного подводит. Нельзя так быстро реагировать.

Собеседник смутился. Впервые за время разговора.

– Перестаньте, – хмуро попросил он, – не нужно демонстрировать свои способности. Просто убейте Волка. И не дайте обойти себя англичанам. Иначе действительно будет плохо. Всем нам.

Он наконец улыбнулся, показывая запоминающиеся зубы: передние резцы больше обычных, а вот клыков не было совсем.

– Скажите, – спросил незнакомец, – как вы догадались, что я был в Ираке?

– Вы пьете слишком много сладкого чая. Это дурная арабская привычка в теплую погоду. Для меня сегодня прохладно, для вас, думаю, жарко.

– А вы говорили, что не знаете Востока, – подозрительно посмотрел на Дронго собеседник.

– Некоторые вещи я знаю. Не могло же ваше руководство посылать на встречу с Волком совсем дилетанта, – махнул рукой Дронго. Настроение у него заметно улучшилось.

Глава 2

Незнакомец оказался провидцем. Дронго действительно попал в делегацию, приглашенную на торжества поэта, в качестве журналиста одной из независимых компаний. Но и Дронго был прав. Путь через Амман не получился. У молодого государства просто не было столько денег, и делегации пришлось целых два дня добираться в автобусах через всю Персию, называемую ныне Исламской Республикой Иран. Если учесть, что религиозные нравы правоверных шиитов в Иране довольно суровы, особенно пострадали женщины, вынужденные в течение всего пути скрываться под огромными платками. Появление женщины с открытой головой в Иране было немыслимым преступлением и сурово каралось по всем законам шариата. Уже при прохождении границы иранский пограничник обратил внимание молодой женщины на прядь волос, выбивавшуюся из-под платка. Платок был моментально надвинут на лоб, и женщина, довольно известная поэтесса, весьма активная феминистка, получила первый в своей жизни урок нравственного превосходства мужчины над порождением зла в юбке.

Интереснее всего было пересекать границу. Мусульманские страны, более десяти лет воевавшие друг с другом, по-прежнему напрочь не доверяли соседям. Колочая проволока, железобетонные крепости, окопы – такой была граница между Ираном и Ираком. Кое-где еще виднелись следы бывшей войны – разбитые стены, пустующие по обеим сторонам границы деревни, расположенные, на свое несчастье, слишком близко к театру военных действий. Оба тоталитарных государства, столь неистово враждующих, были по-своему похожи друг на друга. Иранцы на границе подняли огромный портрет аятоллы Хомейни, а иракцы – президента Саддама Хусейна. Пограничники внимательно следили за действиями другой стороны, особенно оберегая выставленные напоказ огромные портреты, представлявшие собой довольно соблазнительную мишень для фанатиков.

В Ираке, несмотря на диктаторский режим, нравы казались мягче. Можно было встретить молодых девушек, одетых в короткие европейские платья, пользующихся косметикой, парфюмерией. Женщины за рулем автомобиля, в банках, магазинах были обычным явлением иракской столицы.

В первый же день, хотя стояла изнурительная духота, Дронго вышел прогуляться. Сама атмосфера Багдада, города из сказок Гарун-аль-Рашида, очаровывала своеобразием. Раскинувшийся на берегах Тигра, Багдад насчитывал к этому моменту более пяти миллионов жителей, являясь одним из культурных памятников всего человечества.

Расположенные в ста – ста пятидесяти километрах от города мусульманские шиитские святыни в Кербеле, Наджафе, Куфе привлекали сюда паломников со всего света, становясь вторым центром мусульманского мира после Мекки и Медины. Сам Багдад, сохранявший прелесть экзотики и налет тайны в семидесятые-восемидесятые годы, являл собой удивительное зрелище. Находившаяся на подъеме экономика, огромные доходы от продажи нефти, инвестиции частных западных компаний делали Багдад сказочно богатым городом для приезжавших сюда иностранцев. Быстро строились новые отели «Шератон» и «Меридиан». По обеим сторонам Тигра открывались рестораны, где посетителям предлагали отведать экзотическое блюдо – мозгуф, поджаренную на камнях и углях рыбу, выловленную прямо на ваших глазах. Правда, стоило это удовольствие совсем недешево – около ста двадцати долларов, но приезжавшие в Багдад американцы и англичане, арабские шейхи и японские бизнесмены не любили считать деньги в таких местах, отдавая дань экзотике.

Все это осталось в прошлом. Частые войны с соседями, несбалансированная внешняя политика, наконец, агрессия в Кувейте и отторжение от всего мирового сообщества привели к тому, что Багдад оказался в тисках экономической блокады.

Иракский динар стремительно покатился вниз, вскоре голубая сотенная купюра с изображением Саддама Хусейна, стоившая ранее более четырехсот долларов, превратилась в ничего не стоящую бумажку с номинальной ценой в пятнадцать-двадцать центов. Гуляя по огромному городу, Дронго поражался дешевизне выставленных повсюду иракских товаров. За пару кожаных туфель в магазинах просили не более двух-четырех долларов, за брюки – пять-шесть. Обед в лучших ресторанах Багдада обходился в один-два(!) доллара. Это был крах национальной экономики и политики Саддама Хусейна. Но его портреты по-прежнему украшали каждую улицу и каждый перекресток, а монументы возвышались на главных площадях всех иракских городов; его холодная улыбка преследовала человека повсюду.

И все равно это был Багдад. Тот самый город, который Дронго искал в детстве на карте, изучая историю походов Тамерлана, создание империй Аббасидов и Сефевидов. Над древней землей Ирака пытались надругаться десятки грозных завоевателей, но народ отвергал их, словно старое заклятие, произнесенное Хаммурапи, уберегало эти просторы от захватчиков.

Это по его кривым улочкам ходил Синдбад-мореход, известный по сказкам и голливудским экранизациям, это здесь крался со своей лампой Аладдин и обманывал наивных простаков знаменитый багдадский вор. Это было и не было. А теперь здесь повсюду улыбался Саддам Хусейн, и иракцы боялись вслух обсуждать свои проблемы.

Эмбарго больно ударило по самому городу. Великолепные отели стояли практически пустыми. В ресторанах – тишина, а самым процветающим рынком был рынок подержанных вещей у монумента революции. Багдад переживал не лучшие времена своей древней истории. Задание, полученное Дронго, было простым и неприятным. Так просто выйти на Волка в пяти-миллионном городе невозможно. Следовало обратить на себя внимание, выйти на связь с ним и попытаться уничтожить его до того, как Волк покажет свои клыки. Без связи это было почти нереально, и ему дали на всякий случай канал, оговорив, что пользоваться им нужно крайне осторожно.

Вдоволь побродив по городу, Дронго поймал вечером такси и поехал в отель «Аль-Рашид», расположенный в западной части города. Один из лучших отелей иракской столицы, «Аль-Рашид» имел своеобразную визитную карточку, отличавшую его от всех гостиниц мира.

Это был огромный мозаичный портрет Джорджа Буша, бывшего президента Соединенных Штатов, выложенный перед входом в гостиницу. Чтобы открылись автоматические двери, нужно было пройти по лицу американского президента, оскалившегося в ужасной улыбке. Внизу стояла подпись: «Буш – убийца».

Разумеется, в этой гостинице не останавливались европейские и американские редкие визитеры, предпочитая не топтать лик бывшего президента США. Приезжавшие арабы, наоборот, шагали по нему с большим удовольствием, находя в этом своеобразное проявление патриотических чувств. Дронго не успел проскользнуть в открывшуюся для одного из гостей дверь, и ему пришлось невольно потоптать лицо Буша, не сделавшего ему ничего плохого. Дверь открылась, и он благополучно попал в отель.

В огромном холле повсюду были расположены небольшие магазинчики, торгующие предметами старины, поделками, четками из драгоценных и полудрагоценных камней, серебряными изделиями. Дронго прошел внутрь и свернул направо по коридору, ведущему к зимнему саду. В глубине был расположен магазин с коврами.

За прилавком стояла девушка.

– Добрый день, – осторожно произнес Дронго, – вы говорите по-английски?

Девушка, улыбнувшись, покачала головой и позвала из глубины пожилого араба в национальном головном уборе.

– Пожалуйста, мистер, – улыбнулся араб, нечетко выговаривая слова на английском.

– Меня прислал Муса, – тихо проговорил Дронго, – он говорит, что у вас есть хорошие персидские ковры.

Араб помедлил, испуганно оглянувшись.

– Что вам нужно? – быстро спросил он.

– Мне нужен Афиф Заки.

– В каком отеле вы остановились?

– «Аль-Мансур эль Мелиа», – выговорил Дронго непривычное название своей гостиницы.

– Он будет у вас завтра утром.

– Мне нужно оружие.

Араб покачал головой.

– Это невозможно.

– Тогда хороший нож.

– Сколько угодно. Приезжайте завтра, и я вам подарю.

– Не надо. Лучше продайте. Сколько стоит хороший нож?

– Охотничий очень дорого. Может, даже две-три тысячи динаров.

«Это четыре-пять долларов», – подумал Дронго с удивлением.

– Хорошо, я приеду завтра за ним.

– Не нужно больше сюда приходить. Заки Афиф привезет вам завтра отличный нож. Это будет мой подарок.

– Сколько стоят ваши ковры?

– Смотря какие. Некоторые даже по двадцать тысяч динаров. Сейчас, правда, мало покупателей.

– У вас красивая дочь, – сказал на прощание Дронго.

Араб испугался еще больше.

– Я всегда делал для вас все, что мог. Никого не выдавал. Просто тогда меня сильно били.

Не нужно ее трогать, прошу вас.

– Я просто восхищался ее красотой. Вы, очевидно, не поняли. А когда вас били?

– Пять лет назад. Тогда меня подозревали, что я иранский шпион. И долго, очень долго били. Тогда я рассказал, что иногда ходил в русское посольство. И меня оставили в покое.

«Пять лет, – подумал Дронго. – Конечно, сейчас этот испуганный до смерти тип вне подозрений».

– До свидания. – На девушку он больше не смотрел.

Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и вместе им никогда не сойтись, вспомнил Дронго слова Киплинга. Действительно, трудно понять логику восточного человека.

Поймав такси, он поехал в свою гостиницу, расположенную на самом берегу Тигра. В автомобиле не работала ни одна ручка подъема стекла. Это испытание кончилось у отеля, где Дронго протянул двести динаров, радуясь своему освобождению.

За ужином он обратил внимание на пожилого иракского профессора. Тот постоянно суетился, пытаясь оказаться полезным Дронго, протягивал ему соль, перец, масло, лимонную кислоту, радуясь, что успел первым. Его начала раздражать такая назойливость, пока наконец араб не обратился к нему с каким-то вопросом по-арабски. Тогда окончательно выяснилось, что он перепутал Дронго с другим ученым, прибывшим в составе их делегации. Соседи за столом дружно смеялись над незадачливым иракцем. Дронго пытался успокоить покрасневшего ученого.

После того как все потянулись в чайную, Дронго, сделав контрольный круг, вернулся на место и вошел в бар, расположенный слева от лестницы. Стоя у дверей, он прекрасно видел, как изменилась походка «профессора», когда тот вышел из ресторана. Теперь это был солидный, уверенный в себе человек. Воровато оглянувшись, он заторопился к выходу, кивнув двум торговцам в вестибюле. Дронго постарался запомнить их лица.

Поднявшись в лифте на свой седьмой этаж, он прошел по коридору, доставая из кармана ключи. У самой двери Дронго вдруг услышал:

– Добрый вечер. Григорий Николаевич просил передать вам эту посылку.

Слова пароля Дронго помнил наизусть. Рядом с ним стоял работник МИДа, прибывший вместе с ним на конференцию: Дронго обратил на него внимание еще в пути, когда тот пересел в его автобус, мотивируя это своим опозданием.

– Кажется, я был прав, подозревая вас, – усмехнулся Дронго.

– Да, но вы не знаете, что за вами следят, – заметил мидовец. – Я сумел вычислить, кто является представителем английской разведки в нашей группе. Это профессор Мамедалиев.

Глава 3

После этих слов Дронго понял, что на его попутчика рассчитывать не приходится.

– Почему вы так решили? – улыбаясь, спросил он, когда они из номера вышли на балкон, плотно закрыв двери.

– Он все время вертится вокруг вас. Кроме того, он опоздал вместе со мной на первый автобус, чтобы попасть в ваш, четвертый.

– А почему вы решили, что представитель «Интеллидженс сервис» будет такой же дилетант, как вы?

Мидовец обиженно фыркнул:

– При чем тут дилетантизм? Я говорю о своих подозрениях.

– Вы работали раньше в Ираке? – спросил Дронго.

– Да, восемь лет.

– И по совместительству доносили в КГБ о своих коллегах. Верно?

– Не нужно меня оскорблять. Я выполнял свои профессиональные обязанности аккуратно и честно.

– Понимаю. Но сейчас положение немного изменилось. Если иракцы раньше подозревали, что вы работаете на КГБ, они могли смотреть на это сквозь пальцы. В конце концов вы честно закладывали своих сотрудников. Но если они хотя бы на мгновение поймут, что вы приехали сюда с целью ликвидировать их лучшего советника, вам конец. Вас бросят крокодилам, и я не дам за вашу голову ни одного динара.

– Я работаю в системе МИДа уже двадцать пять лет, – с вызовом ответил дипломат, – и пока никто никогда не говорил о моих оплошностях.

– Тогда с чего вы взяли, что профессор Мамедалиев – английский шпион? Доказательства у вас есть?

– Он остался со мной, чтобы попасть в ваш автобус. Раз. Он скрывал, что знает английский, – два. Это я установил вчера, случайно услышав его разговор с иностранцем. Кажется, с румынским режиссером, приехавшим на съемки в Багдад. Кроме того, он большой знаток арабского мира, много раз бывал за рубежом и является почти идеальной фигурой для установления любых контактов.

– Понятно, – вздохнул Дронго, – ничего конкретного. В вас говорят стереотипы мышления. Если человек много раз бывал за рубежом, значит, подозрительный тип. Если знает какой-нибудь язык, еще более подозрительно. А он просто никому не говорит о своем плохом английском потому, что блестяще знает арабский и фарси.

– А это что? – торжествуя достал из кармана клочок бумаги дипломат. – Тоже стереотипы моего мышления?

«Встретимся в пять часов внизу у лифта», – было написано по-русски.

– Вот видите, – с явной издевкой произнес дипломат, – мы тоже кое-что можем.

– Откуда она у вас?

– Он выронил ее сегодня за обедом. А я подобрал.

– Это моя записка. Мы договаривались прогуляться вместе по Багдаду. Он не успел вернуться с конференции. И вас послали ко мне связным, – покачал головой Дронго.

Дипломат как-то сразу весь обмяк.

– Я же не знал, что это вы писали.

– Какое конкретно задание вы получили?

– Обеспечить вашу связь с российским посольством и в случае необходимости постараться увезти вас туда. Я хорошо знаю нынешнего временного поверенного. Он, кстати, наш земляк.

– Договоримся таким образом. Вы меня с этого момента больше не видите и не знаете. И без всякой самостоятельности. Вы уже были в российском посольстве? Не отвечайте, знаю, что были. А потом, наверное, спрашивали у портье, когда я вернусь. И не один раз. Было такое? Инициатива дилетантов, их разрушительная энергия – самые страшные вещи на свете. Вы, конечно, искали меня по всему отелю, чем привлекли внимание иракских спецслужб. Поздравляю, в результате вашей успешной деятельности они уже вышли на меня.

– Я спрашивал только у членов нашей группы, – извиняющимся голосом произнес этот болван.

– Теперь уходите. И больше чтобы я вас за эту неделю ни разу не видел. Иначе сам выброшу вас в Тигр.

Они вернулись в приятную прохладу комнаты, и, только когда за его незадачливым связным захлопнулась дверь, Дронго весело расхохотался.

Теперь предстояло спокойно проанализировать ситуацию. Сегодняшняя проверка – это просто проверка. Иракцы пока проверяют всех подряд, пытаются установить, кто мог прибыть для ликвидации Волка. Английского агента он пока не знает и, видимо, не скоро узнает.

Оба связных, данных ему для этой миссии, оказались почти безнадежными пустышками. Первый был провален в восемьдесят девятом, получив шок на всю жизнь, второй просто по природе винтик огромной машины, не способный на самостоятельные действия.

В такой ситуации предстоящая операция превращалась в грандиозную мыльную оперу, в которой Волк должен был в финале неминуемо съесть бедного «зайца». Сказывалась, безусловно, изоляция Багдада, но предоставлять ему таких связных было не совсем честно, даже для такого провокатора, как Евгений Максимович.

Единственным доступным способом связаться с Волком в этих условиях было объявление в газетах и по телевизору: «Ищу Волка, гарантирую приличное вознаграждение» – или что-то в этом роде.

Английского агента найти было еще проще. Просто обегать всех членов делегации, всего сто семь человек, с вопросом: «А не вы ли английский шпион?» Половина из них с удовольствием подтвердят это жизнелюбивое утверждение, даже не приняв его за вопрос.

Дронго перевел рычажок кондиционера на «умеренно» – в комнате становилось слишком прохладно – и снова вышел на балкон. Открытый совсем недавно отель «Аль-Мансур эль Мелиа» был своеобразным комплексом европейского стиля, расположенным в самом центре Ирака. Построенный с учетом строгих требований к пятизвездочным отелям, он включал в себя целую систему жизнеобеспечения проживающих в нем туристов. Здесь располагались китайский, итальянский, испанский, французский рестораны, теннисные корты, три бассейна, массажные салоны. На этажах функционировали бары и чайные. Чай и вода подавались бесплатно всем постояльцам, за кофе приходилось платить почти символическую плату в одну шестую доллара. Правда, в некоторых номерах неблагодарные гости иногда находили тараканов, а из некоторых других иногда пропадали деньги, но в этом состоял своеобразный азиатский колорит, без которого функционирование отеля было бы просто немыслимым. Где-нибудь в Европе или в Северной Америке проживание в таком отеле стоило бы целого состояния любому иностранцу. В Ираке оно не стоило ничего или почти ничего, ибо плата за проживание составляла не более десяти долларов.

В дверь постучали. Затем позвонили. Дронго пошел открывать, глазка в его номере не было. В коридоре стояло четверо членов их делегации.

– Решил от нас отделиться! – грозно закричал один из них.

Поездка через Иран для большинства пьющих поэтов, писателей и литературных критиков стала немыслимым испытанием, и теперь, в Ираке, они полностью компенсировали потери предыдущих дней.

Все четверо ввалились к нему в номер с громкими криками. Главный заводи́ла – известный поэт, сын известного поэта и брат известного прозаика, был по натуре человеком скорее застенчивым, скромным, не решавшимся даже повысить голос. Но после принятия стопки он сразу смелел, становился раскованнее, добрее. Его щедрый талант и врожденный такт делали его центром любой компании. С Дронго они были знакомы много лет. Остальных он знал не так хорошо. Один из них – художник, с которым члены делегации познакомились только в поездке. Художник раньше работал в Москве и теперь, приехав на родину, слыл большим оригиналом. Носивший гордое имя Фархад, он был смелым и принципиальным человеком, любившим говорить все в лицо своим собеседникам. Ариф – третий из гостей – был директором Литфонда, тучным, высокого роста, тяжело дышавшим. Последним ввалился переводчик Азиз, прикрепленный к делегации от академии. Азиз слыл блестящим знатоком арабского языка и любителем восточных женщин, считая их самыми обворожительными созданиями на свете.

Все четверо, рассевшись на стульях, креслах и кроватях, начали разговаривать, перебивая друг друга. Несмотря на недавний запрет Саддама Хусейна на потребление спиртного в общественных местах, его продавали в магазинах и специально отведенных точках. Из-за катастрофического падения динара и роста доллара бутылка выдержанного виски стоила не больше шести-восьми долларов, что позволяло членам делегации закупать горячительные напитки целыми ящиками.

– Сейчас мы закажем лед, – икнув, заявил Фархад.

– Ты не сможешь, – вырвал у него трубку Азиз, – ты не говоришь по-арабски. Давай лучше я.

Он что-то произнес в трубку и снова сел на кровать.

– Чья это сумочка? – вдруг спросил Ариф, показывая на небольшую сумочку, забытую дипломатом.

«Какой кретин», – в который раз с огорчением подумал Дронго.

– Наверно, кто-то оставил, – заметил он.

– Я знаю, чья это сумка. Того глупого чиновника из МИДа, – закричал Вагиф, – сейчас я ему отнесу.

– Лучше сиди, я отнесу, – поднялся Фархад, – и заодно позову его к нам. На каком этаже он живет?

– Кажется, на шестом. Можно спуститься по лестнице, – ответил Ариф.

– Очень хорошо. Вы разливайте виски, положите лед, а я сейчас приду. – Фархад, взяв сумочку, вышел из номера.

– Она похожа на женскую, – грозно заявил Вагиф.

– С чего ты взял? – спросил Азиз.

– Так мне кажется. Вообще он мне не нравится. Зачем мы должны его звать. Он похож на шпиона.

– Правильно. Везде оглядывается, осматривается, – покачал головой Ариф, – у нас в Афганистане таких не любили.

– Ты был в Афганистане?

– Целых четыре года, – кивнул Ариф, – работал переводчиком. Поэтому я знаю фарси и не знаю арабского.

– Вот не нравится он мне, – показал Вагиф на Дронго, – не люблю, когда человек сидит трезвым. Почему не несут лед? Азиз, позвони еще раз.

Тот снова поднял трубку, повторив заказ.

– Говорят, уже несут.

– Я пойду за Фархадом, – встал Вагиф, – не нужен нам этот сука из МИДа.

Он вышел из номера.

Поднявшись, Ариф прошел на балкон.

– Все-таки здесь жарко, – пробормотал он через мгновение, вернувшись в прохладную комнату.

В дверь постучали. Официант, темнокожий парень из Судана, принес лед.

Почти сразу за ним ввалились Фархад и Вагиф.

– Его нет в номере, – закричали они, – давайте разливать виски.

Кроме двух стеклянных стаканов, стоявших в ванной комнате, мужчины принесли несколько пластмассовых стаканчиков, и теперь, побросав в каждый стаканчик по несколько льдинок, они щедро лили янтарную жидкость.

Через пять минут кончилась еще одна бутылка.

– Нет, ты пойми, – настаивал Вагиф, – что мы потеряли. Мы трахали всех женщин империи. Всех. Русских, украинок, армянок, азербайджанок, узбечек, литовок. А теперь?.. С чем мы остались? Наши нынешние лидеры получили свой сексуальный опыт в деревнях в общении с курочками, ослами и другими животными.

– Не говори, – почти плакал Ариф, – жили прекрасно. Но все равно независимость – вещь хорошая. Куда хотим, туда и едем. Теперь мы сами хозяева.

– Какие хозяева? – скривил губы Азиз. – Одно название. Кто нам разрешит распоряжаться своими богатствами? Ни Россия, ни США этого просто не позволят.

– Вот, – сложил огромный кукиш Фархад, – нужно было удержать нас в империи, – вот, – показал он всем свой кукиш, – не смогли. Больше в империю не пойдем. Будем независимыми.

Дронго молчал. Он не любил принимать участие в пьяных дискуссиях. Непомерность выпитого давала о себе знать. Трудно было общаться с основательно нагрузившимися гостями.

– А какие здесь женщины, – сел на свой любимый конек Азиз, – это просто колдовство. Вы видели эту пухленькую, из парфюмерного магазина? Просто колдовство, – повторил он.

– Лучше француженок никого не бывает, – махнул рукой Вагиф, – они и наши женщины самые лучшие на свете.

– А польки? – спросил Фархад. – Про них забыли.

– Ничего вы не понимаете, – упрямо возразил Азиз, доставая еще одну бутылку, – самые красивые женщины на Востоке. А здесь Восток самый настоящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.